

Иван Александрович Бодуэн
де Куртенэ

**Подготовила 113-А
группа**

Дурдона Эргашева

Дилфуза Хабибуллаева

Максим Штурмин

Мехриноз Эркинова

Ирода Эштемирова

— И. А. Бодуэн де Куртенэ (Игнатий-Нецислав, Baudouin de Courtenay)

- Бодуэн Иван Александрович де Куртенэ (1845–1929) – русско-польский языковед. Известен как основатель Казанской лингвистической школы, создатель теории фонем и фонетических чередований, крупный диалектолог, основоположник экспериментальной фонетики, специалист по общему языкознанию.

Необычная фамилия учёного восходит к древнему французскому роду де Куртенэ, а предки его правили в Латинской империи, государстве, основанном крестоносцами в Константинополе. Позже одна ветвь рода переселилась в Польшу, а сам Иван Александрович принадлежал к польским дворянам. Он родился в Радзымине близ Варшавы, в части Польши, которая входила в состав России; окончил Варшавский университет. Завершив обучение за границей и защитив в 29 лет докторскую диссертацию, Бодуэн де Куртенэ уехал преподавать в Казанский университет. Именно в Казани он нашёл себя как учёный: там сложилась его научная концепция, там же он создал школу языковедов. Позже де Куртенэ работал в Петербурге, где у него появилось тоже много учеников

Деятельность лингвиста

Научная деятельность И. А. Бодуэна де Куртенэ была многообразной. Он занимался русским, польским, словенским и другими славянскими языками, индоевропеистикой и тюркологией.

- Бодуэн де Куртенэ коренным образом переработал словарь Даля, сделав его более упорядоченным. При активном участии де Куртенэ была подготовлена реформа русской орфографии, осуществлённая в 1917-1918 году. Первым из профессиональных лингвистов он обратил серьёзное внимание на создававшиеся в то время искусственные международные языки (эсперанто и др.). Де Куртенэ впервые сделал объектом научного исследования воровской жаргон русского языка, посвятив ему статью.

Основные общелингвистические взгляды:

□ 1. Язык – явление физическое и бессознательно-психическое.

И. А. Бодуэн де Куртенэ отмечал особую двойственную природу языка как явления физического и бессознательно-психического. По его мнению, язык – не организм, а скорее функция организма. Поэтому анализ языка как разложение единого целого на части без учета функционирования его отдельных частей и целого противоречит природе языка.

В соответствии с физиологическим и психическим и социологическим подходом автор дает следующие определения языка:

(1) «Язык есть слышимый результат правильного действия мускулов и нервов». Это физиологическая, материальная часть языка, которая изучается в фонетике.

(2) «Язык есть комплекс членораздельных и знаменательных звуков и созвучий, соединенных в одно целое чутьем известного народа [как комплекса (собрания) чувствующих и бессознательно обобщающих единиц] и подходящих под ту же категорию, под то же видовое понятие на основании общего им всем языка». Здесь язык предстает как система значимых единиц. Семантика языковых единиц является результатом обобществления и единой категоризации.

(3) Развивается лишь **индивидуальный язык**, язык же **общественный** (племенной, национальный) «развития не имеет и иметь не может». Противопоставление индивидуального языка общенациональному – это в какой-то степени противопоставление живого языка языку искусственному. Общенациональный язык имеет определенную степень искусственности, так как он часто ограничен условиями вынужденной коммуникации.

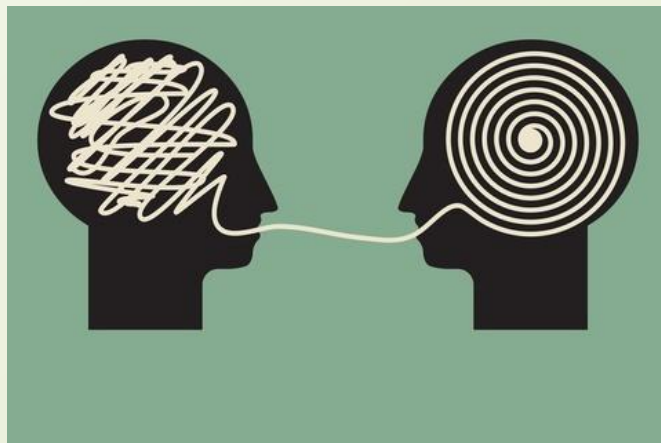
(4) «Язык как общественное явление может иметь **только историю**, но не развитие». Вероятно, здесь противопоставляются социальные и собственно лингвистические аспекты языкового феномена. Историческое изменение социальных аспектов языка вряд ли напрямую связано с развитием его структуры. О социальных разновидностях языка автор сказал следующее: «Каждый человек может владеть несколькими индивидуальными «языками», отличающимися друг от друга как в сфере произносительной, так и в слуховой: повседневным языком, языком официальным, языком церковных проповедей, языком университетских кафедр и т. д.». В этом определении прослеживается начало социальных диалектов языка и функциональных стилей.

(5) Язык состоит из множества случайных **символов**, которые связаны самым различным образом. Можно предположить, что речь идет о подвижности, непостоянстве семиотических отношений в языке, о чем свидетельствуют многочисленные примеры метафоризации языковых единиц.

(6) «Структура языков разных групп принципиально разная и нельзя ни в коем случае сводить ее к общему знаменателю». Данный вывод можно сделать лишь тогда, если исходить из постулата несводимости всех языков к единому, общему языку. Ср.: «Благодаря тоске по языковому единству создавалась легенда о Вавилонском столпотворении; ибо многоязычие считалось бедствием, считалось божеским наказанием за человеческую гордость и высокомерие». «Во имя языкового единства совершались бесчисленные преступления, гонения и истребления».

(7) Язык проявляется в триаде **фонация – аудиция – церебрация**. Первое явление, *фонация*, имеет место в говорении, в произношении слов, второе, *аудиция* (это слушание и восприятие сказанного), третье, самое важное явление языка – *церебрация* (закрепление, сохранение и обработка всех языковых представлений в сокровищнице души). Это и есть *языковое мышление*.

(8) Внутренней стороной языка является его система («царство») значений, «ассоциируемых с представлениями звуков и артикуляций». В силу своей абстрактности **язык одухотворен**, т. е. наиболее приспособлен обслуживать мышление и рассуждение. «Язык не есть ни замкнутый в себе организм, ни неприкосновенный идол, он представляет собой орудие и деятельность». В данном определении языка важно акцентировать внимание на его первой части. Отвергая замкнутость языка, автор отрицает его независимость от человека и человеческой деятельности. Рассмотрение языка как структуры вне человека неприемлемо для Б. де Куртенэ. По сути дела, говоря о структуре языка, он с самого начала выступал за ее антропологичность. Именно в этом и коренится принципиальное различие понятия структуры Б. де Куртенэ и Ф. де Соссюра.

2. Языкознание – индуктивная наука. Языкознание относится к психически-историческим, психически-социальным или психически-общественным наукам.

И. А. Бодуэн де Куртенэ стремился обосновать языкознание как точную науку, использующую **индуктивный метод**, который помогает предсказать развитие языков. Истинным научным направлением в лингвистике Бодуэн де Куртенэ считает историческое, генетическое направление, которое использует индуктивный метод при анализе языка как суммы действительных явлений и фактов. Историческое направление отыскивает в языке категории и понятия, которые представляют явления языка в их причинно-следственных связях. Все это достигается индуктивным путем без навязывания языку чуждых логических категорий. Данная наука признает сравнение лишь как необходимую операцию. Ученый критикует компаративистский ("археологический") подход к языку, главной задачей которого является реконструкция праязыка, который, якобы лежал в основе всех языков мира.

Предметом языкознания как индуктивной исторической, синхронической и социологической науки, по его мнению, является научное знание, а не просто языковые явления в привычном для нас понимании. Несмотря на это, Бодуэн де Куртенэ выступает против теоретизирования. Наука строится на фактах и фактических выводах, а не на априорных знаниях идеальных философов, если даже эти знания являются гениальными плодами человеческого ума. Автор отмечает что злоупотребление школьными грамматиками ведет к загрязнению сознания школьников, к их оглуплению и к путанице понятий. Он выступает за «толково веденную» языковую науку, которая приучала бы к всестороннему анализу психического мира, к внутреннему наблюдению и опыту. Языкознание должно **изучать языковой объект, а не мнения о языке**. Развитие языка можно познавать двумя путями – через *изучение языковых памятников* и через *сравнение этого языка с другими языками*. Однако речь идет о сравнении родственных языков, а не о сравнении фактов языка, о чем часто забывают, злоупотребляя эпитетом «сравнительный». Автор предлагает рассматривать **сравнение как средство, а не цель**. Таким образом, «языкознание исследует жизнь языка во всех ее направлениях, связывает явления языка, обобщает их в факты, определяет законы развития и существования языка и отыскивает действующие при этом силы».

3. Сознание оказывает влияние на язык в том плане, что сводит разнообразные формы языка к единообразию. Язык в свою очередь воздействует на мышление, ускоряя, замедляя, усиливая и подавляя его.

Бодуэн де Куртенэ предлагает строго разграничивать **языковое мышление, лингвистическое мышление и мышление вообще**. Как представляется, языковое мышление должно стать объектом исследования лингвистической науки в расширенном понимании как науки о воплощенной в языке мысли и как науки о мысли, выражаемой с помощью языка.

Подчеркивается не только диалектический характер языкового мышления, но и его креативная функция, ср.: «Языковое мышление равно как и его обнаруживание и воспринимание, представляют себя не простую репродукцию и воспроизведение усвоенного, а вместе с репродукцией тоже продукцию или производство, состоящее в новом, самостоятельном сочетании усвоенных индивидуальной психикой элементов языкового мышления».

Лингвистическое мышление предполагает использование в исследованиях языкового мышления точных научных методов, не столько описательных, сколько объяснительных.

Наконец, **мышление вообще** – это, предположительно, концептуальное мышление, или та часть мышления, которая не зависит от конкретного языка и является инвариантной, общечеловеческой.

4. Основные единицы языка – звук, фонема, графема, кинема, акусма, кинакема, морфема, синтагма (слово).

"**Звук** – это всего лишь простейшая фонационная (произносительная) единица, которая вызывает единое акустическо-фонетическое впечатление"

"**Фонема** – это единый, неделимый в языковом отношении антропофонический образ, возникший из целого ряда одинаковых и единых впечатлений, ассоциированных с акустическими и фонационными (произносительными) представлениями".

«**Графема** – представление простейшего, дальше не делимого элемента письма, или писанно-зрительного языка».

«**Кинема** – с точки зрения языкового мышления, дальше не разложимый произносительный или фонационный элемент, например, представление работы губ, представление работы мягкого неба, представление работы средней части языка и т. д.».

«**Акусма** – с точки зрения языкового мышления, дальше не разложимый акустический или слуховой (аудиционный) элемент, например представление мгновенного шума, получаемого от взрыва между сжатыми произносительными органами, представление акустического результата работы губ вообще, представление носового резонанса и т. д.».

«**Кинакема** – соединенное представление кинемы и акусмы в тех случаях, когда благодаря кинеме получается и акусма. Например, кинема губ вместе с губным акустическим оттенком составляет кинакему губности».

Определяя **морфему** как «дальше не делимый, дальше не разложимый морфологический элемент языкового мышления» автор указывает, что этот термин является родовым, объединяющим для частных, видовых понятий вроде **корень, префикс, суффикс, окончание** и т. п.», Бодуэн де Куртенэ полагает, что данный термин нельзя считать лишним, поскольку он представляет родовое понятие. Несомненной заслугой Б. де Куртенэ является введение в лингвистический обиход понятия «**нулевой морфемы**». Ср.: «Кроме морфем, состоящих из определенной произносительно-слуховой величины, мы должны принять непременно тоже **морфемы «нулевые»**, т. е. лишенные всякого произносительно-слухового состава, и тем не менее ассоциируемые с известными семасиологическими и морфологическими представлениями». В этой связи он усматривает наличие *нулевого элемента в языковом мышлении*.
«**Синтагма** – слово как морфологический элемент более сложного морфологического целого, т. е. фразы или предложения».

5. Смещению языков способствуют заимствования. Умирают более трудные, сохраняются более легкие языки.

«Первичные «слова» языка были словами неопределенной формы». Бодуэн де Куртенэ высказывает гипотезу о смещении языков. Считает, что главными видами языкового смещения, например английского языка и романских языков, немецкого языка и латыни, является заимствования из чужого языка, которые подвергаются в данном языке полному или частичному уподоблению. При смещении языков исчезают более трудные языки, сохраняются более легкие. «Победа остается в отдельных случаях за тем языком, в котором больше простоты и определенности».

6. Язык – это знание.

«В языке, или речи человеческой, отражаются различные мировоззрения и настроения как отдельных индивидов, так и целых групп человеческих. Поэтому мы вправе считать язык особым знанием, т. е. мы в праве принять третье знание, *знание языковое*, рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным, и знанием научным, теоретическим". Наряду с интуитивно-артистическим и аналитически-научным важность приобретает «знание языковое», т. е. лингвистическое знание (после того как лингвистика окончательно вычленилась из филологии). Можно сказать, что языковое знание в понимании Бодуэна де Куртенэ, это знание закрепившееся в языке – в его лексико-семантической и грамматико-семантической части. Это объективированное в языке ретроспективное знание о мире.

В своих исторических исследованиях И.

А. Бодуэн де Куртенэ всегда стремился выявить общее направление развития языков, позволило ему понять одну из важнейших **закономерностей в истории русского языка**. Изучив памятники письменности, Бодуэн де Куртенэ обнаружил, что многие внешне различные фонологические изменения отражают одну и ту же тенденцию. Роль гласных в различении слов неуклонно ослаблялась, а роль согласных, напротив, усиливалась. Де Куртенэ считал, что лингвистика должна уметь не только объяснять факты прошлого, но и предсказывать **развитие языков в будущем**. Бодуэн де Куртенэ был прав: и в 20 столетии русская фонология развивается именно в указанном направлении. Прав был Бодуэн де Куртенэ и в том, что современное языкознание обращает наибольшее внимание на «живые языки, доступные для наблюдения»; возросло значение эксперимента; языкознание всё более сближается с психологией и социологией, психолингвистика и социоллингвистика сложились как особые дисциплины. Наконец, как и предсказывал Бодуэн де Куртенэ, лингвистика превратилась в «более точную науку», в которой теперь всё чаще применяется «количественное, математическое мышление».

